

Не забывать героев!

Михаил Юрьевич Быков,
директор Школы журналистики «Известия», Москва

В те времена военный человек кардинально отличался от обывателя. Война не была тотальной, она почти не соприкасалась с мирными людьми. У воюющих сторон не было ресурсов для полноценной оккупации, как это происходило в XX веке, когда вермахт, например, контролировал захваченную территорию. А у Наполеона были пресловутые 640 тысяч, которые включали в себя всё, вплоть до фельдшеров и нестроевых. И это была колоссальная по тем временам армия.

Воин — это была профессия на всю жизнь, и никто не думал, что в сорок лет он выйдет на пенсию, получив знак отличия за двадцать лет беспорочной службы. Тут прослеживается чёткая этика взаимоотношений с друзьями и врагами. Принцип был такой: если ты сильный, красивый, умелый, тебе хочется сразиться с таким же противником, с самым опасным и бесстрашным. Многие вещи в истории я склонен объяснять психологией как отдельного человека, так и масс. И потому мне хотелось бы рассказать о судьбе одного полузабытого героя Отечественной войны и о судьбе праздника в контексте юбилейной суматохи.

Рулетка войны выбросила Дмитрию Неверовскому число «27». Этот номер получила сформированная им пехотная дивизия. С ней генерал прошёл дорогами славы — с августа 1812-го по ноябрь 1813-го. От сражения у села Красное, что в полусотне вёрст от Смоленска, до Битвы народов под Лейпцигом, где получил смертельную рану.

В конце 30-х годов XIX века император Николай I поручил министру финансов графу Канкрину выбрать места для установки памятников героям Отечественной войны 1812 года. Решили так: на Бородинском поле, в Смоленске, Ковно (Каунасе), Полоцке, Малоярославце, Красном. Единый проект разработал архитектор Антонио Адамини. Все шесть монументов отлили в Петербурге на Александровском литейном заводе. Памятник в селе Красное воздвигли в 1847 году. На постаменте выбили надпись: «Битва при Красном. 3, 4, 5 и 6 ноября 1812 года. Поражение Нея». И ещё одну: «Взято в плен неприятеля 26000 человек, отбито 116 орудий». Напротив построили дом для

М.Ю. Быков. Не забывать героев!

смотрителей из отставных солдат — участников Отечественной войны.

В 1931 году памятник у Красного взорвали. Причина? Конечно, мешали жить новой власти царские орлы, но и без прагматических соображений не обошлось. Тогдашний директор Смоленского краеведческого музея Палашенков позже вспоминал: «Я стоял в кабине зампредоблисполкома тов. Клявс-Клявина. Решительным тоном Клявс-Клявин заявил, что стране нужен чугун. В городе торчит никому не нужный с крестом и царским гербом памятник 1812 года, в соборе застлан чугунными плитами пол... Составьте акт на разборку памятника и снятие плит».

Спорить было бесполезно. Приходилось только выбирать: либо уничтожить памятник в Смоленске, либо в Красном. Смоленский удалось сохранить. А красненский даже не стали разбирать. Просто взорвали. Видимо, нужда в чугуне уже отпала. Хотя местная легенда гласит: после взрыва остатки монумента добросовестно собрали и погрузили на баржу. Правда, поживиться чугуном всё равно не удалось. Перегруженная плоскодонка перевернулась, и всё добро затонуло. Все 400 тонн...

Какое отношение всё это имеет к генералу Неверовскому и его 27-й пехотной дивизии? Самое прямое. Крупный бой с войсками Наполеона под Красным в 1812 году приняли именно полки Неверовского. И случилось сие 14 августа по новому стилю.

От солдата до генерала

К началу августа 1812 года стало совершенно ясно: основные силы армии «двунадесяти языков» стремятся к Москве. По прямой. А прямая эта пролегла от Витебска, где сконцентрировались французы, к Смоленску. Как получил он когда-то прозвище «Ключ-город», так и оставался таковым. Здесь же, под Смоленском, планировали объединиться и две русские армии — Барклая и Багратиона.

Ещё в конце 1811 года генерал-майор Неверовский получил новое назначение. Ему предстояло проститься с Павловским гренадерским полком, коим он командовал, и переехать в Москву. Там и сформировать новую пехотную дивизию из только что набранных рекрут. Император Александр I лично благословил генерала на этот труд, добавив: «Совершенно уверен, что ты оправдаешь моё ожидание».

И к тому были веские основания.

Дмитрий Неверовский родился в 1771 году в Полтавской губернии в семье дворян среднего достатка. Поначалу получал домашнее воспитание, знал языки, точные науки, проявлял склонность к военному делу. Благо рос не только в уме, но и в плечах, опережая сверстников по части физической силы. В 14 лет благодаря протекции друга семьи, графа Завадовского, Дмитрия определили на службу в лейб-гвардии Семёновский полк рядовым. Спустя два года Неверовский бежит на войну — русско-турецкую. Определяется в службу поручиком в Малороссийский гренадерский полк. Участвует в боях. Но замечают его несколько позже, во время Польской кампании 1794–1795 годов. Сам Суворов производит Неверовского вне очереди в чин секунд-майора. Будущему генералу шёл 24-й год.

В 1803 году в русской армии возникают так называемые морские полки. Их формируют из матросов гребных батальонов, надобность в которых к тому времени фактически отпала. Полковник Неверовский получает под команду 3-й Ревельский морской полк. И быстро превращает своих морпехов в одну из лучших частей армии. Что и было отмечено государем на смотре в Ревеле (Таллине) в 1806 году.

Во время службы в Ревеле теперь уже генерал-майор Неверовский создаёт семью. Жена — юная графиня Елизавета Мусина-Пушкина, вскоре рождается единственный ребёнок — дочь.

Исторические штудии

Отменное состояние вверенного Неверовскому полка морской пехоты приводит государя к мысли доверить генералу один из лучших гренадерских полков империи — Павловский, дислоцированный в Петербурге. Что и происходит в 1809 году.

...Формирование 27-й пехотной дивизии из рекрут Московской губернии заняло у Неверовского два месяца. Затем он приступил к обучению полков по уже привычной для него методе. Памятуя о суворовской школе штыкового боя, особенно внимательно относился к тренировке навыков меткой стрельбы. В июне 1812-го, когда дивизия получила приказ выдвинуться в места дислокации 2-й армии Багратиона, в Первопрестольной её называли «Московской гвардией».

Отступление льва

Оказавшись в действующей армии, Неверовский получил приказ выдвинуться к селу Красное. Тут, на Старой Смоленской дороге, ждали основные силы Наполеона — войска маршалов Даву, Богарне, Мюрата, Нея. Тут ждали гвардию Бонапарта. Ждать с оружием в руках поручили Неверовскому с 27-й пехотной дивизией и приданными ему несколькими пушками артиллерийской роты, Харьковским драгунским полком и считанными казачьими сотнями. 8 тысяч против десятков тысяч... Не густо!

Сейчас чего только не вычитаешь на форумах любителей военной истории! Сидят люди в Интернете и рассуждают: то ли Мюрат — придурок, то ли Неверовский — примитивный служака... Мол, спокойненько мог уйти от боевого столкновения с кавалерийскими корпусами неаполитанского короля. Людей бы не потерял, пушки сохранил. Уж я бы на его месте... Уж мы бы там...

Приказ у командира 27-й дивизии был ясный: наблюдать за Оршанской и Мстиславской дорогами и стоять у Красного как можно дольше. 14 августа в 9 утра стало ясно, что просто наблюдать не получится. Казачьи разезды уже несколько раз приносили вести: по дороге

от деревни Ляды движется огромная масса войск. И вот в 10 утра эта масса появилась перед глазами. Более 15 тысяч кавалеристов из корпусов Нансути, Груши и Монбрена. А кроме того — свыше 8 тысяч пехоты и 60 орудий.

Конные колонны французов растеклись по полю перед селом и, едва успев перестроиться в боевой порядок, с ходу ринулись в атаку. Смяли эскадроны харьковских драгун, ворвались в Красное. Русский генерал понял, что село не удержать. И что самое важное впереди — удержать дорогу на Смоленск.

Ещё перед боем он обратился к своим необстрелянным полкам: «Ребята, помните, чему вас учили... Никакая кавалерия не победит вас. Не торопитесь в пальбе, стреляйте метко...» Пришёл час, когда слова дивизионного пришлось превращать в дела.

Полки построились в каре и начали отход по Старой Смоленской дороге. Шли среди берёз, высаженных когда-то по приказу императрицы Екатерины Великой. Шли, отражая одну атаку за другой.

Потерявший самообладание от неудач великий маршал Франции Иохим Мюрат раз за разом посылал кавалерийские строи на русские каре. И раз за разом элитные полки французской конницы откатывались в стороны. Пехота Неверовского в течение пяти часов — с двух до семи пополудни — выдержала более 40 атак!

И что бы ни писали сегодня интернет-стратеги об отходе 27-й дивизии к Смоленску, лучше довериться мнению тех, кто сражался тогда под Красным. Тот же Мюрат вспоминал: «Никогда не видел большего мужества со стороны неприятеля». «Это было отступление льва», — вторили маршалу наполеоновские офицеры.

В русском лагере тоже не скупилась на похвалы Багратион писал в донесении: «Дивизия новая Неверовского так храбро дралась, что и неслыханно. Можно даже сказать, что и примера такой храбрости ни в какой армии показать нельзя».

М.Ю. Быков. Не забывать героев!

В штаб-квартире Наполеона царил недоумение. Бригадный генерал из свиты императора Филипп-Поль де Сегюр отмечал в мемуарах, что его государь никак не мог поверить в то, что блестящим корпусам Мюрата противостояла одна-единственная дивизия русских, состоявшая из вчерашних новобранцев. Никто ранее не видел императора Франции таким потерянным.

Французы прекратили наседасть, когда уже стало темнеть. До Смоленска оставалось 25 вёрст.

А в самом Ключ-городе готовились к бою. Генерал Раевский располагал от силы 15 тысячами солдат. На него двигалась армада, превосходящая более чем в 10 раз. И быстрой помощи ждать было неоткуда. Всем казалось

очевидным, что 8 тысяч воинов Неверовского легли под Красным.

Пятнадцатого августа в три часа пополудни с запада, у смоленских посадов, появилась пехотная колонна. Вот он, восторженно в дозорах, француз! Оказалось, к городу подходят батальоны Неверовского. «Я помню, какими глазами смотрели мы на эту дивизию, подходившую к нам в облаках пыли и дыма, покрытую потом трудов и кровью чести. И каждый штык её горел лучом бессмертия!» — так писал о возвращении 27-й в Смоленск не склонный к лишним сантиментам боевой офицер Денис Давыдов.

Под Красным дивизия потеряла до 1,5 тысячи солдат и 20 офицеров. Но оставшиеся

Паническое бегство Наполеона после битвы под Красным. Гравюра Д. Хассела с оригинала Д. Райта. 1813 г.

Исторические штудии

в строю сразу влились в ряды защитников Смоленска. И ещё три дня бились за древний русский город.

От Шевардина до Лейпцига

О Шевардинском сражении, предшествовавшем Бородинскому, упоминают обычно вскользь. Стратегического смысла эта стычка не имела, весь резон — утомить врага на пару дней, чтобы успеть выстроить достойные полевые укрепления на месте главной битвы. Так оно и было. Но сие несколько не умаляет подвигов тех солдат и офицеров, что в течение целого дня сражались с врагом, обороняя Шевардинский редут. Тот самый, который французские офицеры отмечали, как важный пункт обороны русских, прикрывавший левый фланг расположения армии Кутузова.

Если под Красным Неверовский увёл большую часть дивизии живыми, то иная судьба была уготована её полкам под Шеварином. Именно 27-я пехотная стояла на редуте насмерть в буквальном смысле слова.

Сам Дмитрий Петрович писал об этом по-военному скупко: «После сдачи Смоленска армии начали ретироваться к Москве. И, не доходя 12 вёрст от Можайска, при селе Бородине взяли позицию. Левый наш фланг был слаб, и потому укрепили его батареей. 24 августа (5 сентября по новому стилю. — Прим. авт.) неприятель атаковал... и я был первый послан защищать батарею. Страшный и жестокий был огонь. Несколько раз брали у меня батарею, но я её отбирал обратно. 6 часов продолжалось сие сражение в виду целой армии... В сражении потерял я почти всех своих бригадных шефов, штаб- и оберофицеров. Накануне сражения дали мне 4000 рекрут для наполнения дивизии; я имел во фронте 6000, а вышел с тремя. Князь Багратион отдал мне приказом благодарность и сказал: «Я тебя поберегу»...

Берегли 27-ю пехотную в течение полутора суток. 7 сентября грянуло Бородинское сра-

жение. И остатки дивизии Неверовского попали в самое пекло — на Семёновские флеши. Вместе с гренадерами графа Воронцова они держались до последнего. Сам Неверовский в письмах признавался жене, что не раз вместе с полками ходил в штыковую. И вроде не стоило бы этого делать командиру дивизии, но так уж было надо.

От той половины дивизии, что сохранилась после Шевардина, тоже осталась половина. Даже меньше. Солдаты расстреляли все заряды. 1,5 тысячи человек после Бородинского сражения отвели в далёкий тыл на переформирование, а командира, получившего чин генерал-лейтенанта, вместе с графом Воронцовым отправили на простой крестьянской телеге в лазарет. Неверовский получил контузию от ударившего в руку ядра. Его походный сюртук оказался простреленным в трёх местах.

Едва оправившись от контузии, генерал прибыл в дивизию. Русская армия готовилась к наступлению. И 27-я пехотная вновь оказалась в гуще событий. Сражения при Тарутино и Малоярославце чего стоят! Но ведь было дело и под Красным в ноябре 1812-го, когда били маршала Нея там, где несколькими месяцами ранее обретали первую славу!

Перед Заграничным походом 1813 года государь принял кавалера ордена Святого Георгия генерал-лейтенанта Неверовского в своём штабе в Вильно (Вильнюс). При большом стечении светского народа сказал: «Дивизия ваша отличилась славою бессмертною, и я никогда вашей славы и дивизии не забуду!» Эти слова точь-в-точь процитировал офицер 27-й дивизии Дараган, служивший под началом Неверовского. И вот что примечательно: царь обыкновенно обращался к подданным на «ты». Так было заведено от века. А тут...

Неверовский успел отличиться и в Заграничном походе 1813 года, в частности в сражении у Кацбаха в Пруссии. К прочим наградам добавил высший прусский военный орден — Красного орла. Известно, что был принят и высоко оценён прусским фельдмаршалом

М.Ю. Быков. Не забывать героев!

Блюхером. Тем самым, что раньше французского маршала Груши успел подойти к Ватерлоо в 1815 году.

В Битве народов под Лейпцигом Неверовский должен был в последний раз командовать родной ему 27-й дивизией. Незадолго до этого император поручил ему сформировать 13-й пехотный корпус, сохранив при этом должность командира дивизии. Кто ж знал, что выражение «в последний раз» приобретёт столь трагический смысл?

Во время боя Неверовский получил ранение в ногу. Остался в седле, даже несмотря на требование корпусного командира немедленно отправиться в тыл. Генерала смогли доставить в госпиталь только после того, как он потерял сознание. И то пришлось пойти на хитрость. Командир корпуса барон Сакен вытребовал Неверовского к себе на срочный совет. И лишь в штабе корпуса Дмитрий Петрович позволил снять себя с коня.

Он жил ещё несколько дней. Перенёс без наркоза страшную боль во время операции по извлечению французского железа и собственных раздробленных костей из ноги. С третьей попытки всё лишнее из раны убрали. Но от гангрены спасти уже не смогли. Дмитрий Петрович ушёл из жизни 2 ноября 1813 года в немецком городке Галле. Последними словами генерала, находившегося уже в беспомощности, были: «Вперёд! На штыки!!!» Прошло несколько месяцев. В Галле наладилась вполне мирная жизнь. И вдруг по осени в городок вошли русские роты. По развевающимся знамёнам и барабанному бою знающие сразу могли определить: идёт лейб-гвардии Павловский полк. Тот самый, что назывался Павловским гренадерским, когда им командовал Неверовский. Полк свернул к местному кладбищу, где покоился прах генерала, и после поминальной молитвы прошёл мимо могилы в парадном строю.

Русская армия возвращалась домой. Павловцы шли походным порядком по намеченному в штабах маршруту, но испросили разрешения сделать крюк. Через Галле...

Впрочем, может быть, это были и не павловцы. Пишут, что через Галле прошла вся 27-я пехотная дивизия.

Чем сердце успокоится

В 1912 году, когда вся Россия праздновала 100-летие победы в Отечественной войне, прах генерал-лейтенанта Неверовского перенесли из Галле на Бородинское поле. Перезахоронили гроб на Багратионовых флешах, где сражалась 27-я пехотная. Там, где стоит памятник её солдатам и офицерам. Генерал Джунковский, участвовавший в церемонии перезахоронения, вспоминал, что в Галле прибыла депутация офицеров, служивших в полках, которыми командовал Неверовский, и что на вокзале траурную процессию провожала 8-я пехотная германская дивизия и местный гарнизон.

В плане-графике проведения торжественных мероприятий, посвящённых 200-летию победы в Отечественной войне 1812 года и разработанных государственной комиссией, значится: август — открытие воссозданного памятника Героям в селе Красное Смоленской области. Крестный ход, молебен, военно-историческая реконструкция, гала-концерт...

Помнить!

30 мая 1814 года страны, входившие в Шестую коалицию, и уже не наполеоновская, а бурбонская Франция (император находился в ссылке на острове Эльба, во главе государства встал Людовик XVIII. — *Прим. авт.*) подписали в Париже мирный договор. Победители — Россия, Великобритания, Пруссия и Англия — обошлись с воевавшей четверть века Францией по-божески. Было решено вернуть страну в границы 1792 года. Сохранить за ней почти все колонии. Оставить во Франции всё награбленное музейное добро, за исключением трофеев, снятых наполеоновскими солдатами с Бранденбургских ворот Берлина, и книг, украденных из венской библиотеки Габсбургов. Контрибуций не налагать.

Исторические штудии

Последний пункт особенно возмутил часть элит в странах, пострадавших от присутствия на их территориях войск Великой армии Бонапарта. В том числе и в России.

Однако монархов-победителей понять можно. Они добились своего: уничтожили «гидру французской революции» и её ребёнка — монстра Наполеона, вернули на трон представителя династии Бурбонов. Как тут отнять последнее?

Франция на самом деле была близка к разорению. В основном по двум причинам: финансовым и демографическим. Что до денег, то для проигравшей стороны война, особенно длительная, — всегда колоссальные убытки. Что до людей, то сам Наполеон горделиво заявлял, что может позволить себе каждый месяц терять по 30 тысяч солдат. От этого кровавого графика он старался не отступать.

В 1789 году население Французского королевства составляло 27,3 миллиона человек. В 1815-м — около 30 миллионов. Столь малый прирост объясняется тем, что сотни тысяч молодых французов остались на полях сражений, другие получили увечья и к нормальной мирной жизни не годились.

Впоследствии сей прискорбный факт отразился на военных качествах некогда крайне энергичной французской нации. Это было заметно во время франко-прусской войны 1870–1871 гг., в ходе Первой и Второй мировых войн.

Но, спрашивается, нам-то что за дело?

1814 год — это год триумфа России на европейском континенте. На земли Франции тогда ступило более 300 тысяч солдат Шестой коалиции. Но ударной силой союзных армий были русские солдаты и офицеры.

Да, можно в который раз согласиться с генералиссимусом Суворовым, который частенько повторял: «Недорубленный лес вырастает снова». Сверхмягкость 1-го Парижского дого-

вора и амбиции Наполеона в 1815 году вернули Европу к войне на 100 дней. Русские войска, уже покинувшие Францию, повернули было назад, но не успели. Грянуло Ватерлоо. И «солнце Аустерлица» закатилось для Бонапарта за горизонт навсегда.

Уверен, современная Европа в 2015 году очень шумно отметит это событие. Толерантно, без резкостей в адрес доселе самого популярного французского деятеля, но отметит! И мы будем чувствовать себя примерно так же, как чувствуем 2 сентября, когда весь мир трепетно празднует победу во Второй мировой войне. Что уж говорить о нашем национальном самочувствии 11 ноября, когда на планете разворачиваются мемориальные мероприятия по поводу завершения Первой мировой.

В обоих случаях сильно ощущение, что мы к этим событиям едва причастны.

Тем не менее политическая карта Европы заметно изменилась после того, как русские штыки сначала вытолкали Великую армию из России в 1812 году, а потом, по заведённой традиции, разгромили противника у него дома. Впервые обрели основы государственности Бельгия и Норвегия, Нидерланды её восстановили, начался процесс объединения в одну страну в германских княжествах и королевствах, обрела былой дух Италия. Наконец, и сама Франция получила возможность отдохнуть.

Наивно полагать, что война с Наполеоном завершилась для Российской империи в тот момент, когда разбитые французы вытекли из нашей страны. Те же солдаты и те же офицеры под теми же опалёнными знамёнами дрались с возрождённой армией Наполеона под Люценом, Бауценом, Дрезденом, Кульмом и Лейпцигом в 1813-м, около никому не известной деревушки Фер-Шампенуаз и в предместьях Парижа в 1814-м. После Франции наибольшие потери в наполеоновских войнах понесла Россия. Потому что вновь выручала. Всю Европу. В 1799-м, в 1805-м, 1807-м, в 1812–1814-х...

М.Ю. Быков. Не забывать героев!

Жаль, если к событиям трёх военных кампаний 1812-1814 годов, приведших к заключению 1-го Парижского мирного договора, и мы, и европейцы отнесёмся согласно столь привычной уже схеме: у них своя свадьба, у нас своя.

Есть некоторые основания думать, что наши европейские друзья первыми от этой схемы не откажутся. Но нам что мешает?

Создана государственная комиссия, учреждённая президентом. Насколько я знаю, собиралась комиссия то ли один, то ли два раза. Все решения приняты, все бюджеты осмыслены. Но формулируется это так: «Празднование 200-летия победы в Отечественной войне 1812 года». Если современный школьник задаст мне резонный вопрос: «А что наши деды делали в 1813 и 1814 годах? Мы же в 1812-м уже победу отметили!» — затруднительно будет выкрутиться из этой ситуации.

К юбилеям 1814-го и 1815-го Россия не готовится. И есть серьёзная опасность: нам это аукнется, когда в 2015 году будет отмечаться 200-летие битвы при Ватерлоо. Без участия России! Мы не сумеем заявить о себе как о стране, сломившей Наполеона. Не приходится сомневаться, что наши тогдашние

союзники, и в первую очередь Англия, представят дело в самом невыгодном для нас свете. Весь мир будет знать, что этого антихриста Наполеона победила в деревушке Ватерлоо Англия с помощью Пруссии и Австрии. А там подоспеет и 100-летие начала Первой мировой войны...

Мониторинг западных СМИ отчётливо показывает тенденцию, которая особенно проявляется всё в той же Англии: главными виновниками Первой мировой войны названы Россия и Сербия. В нас видят первопричину бойни. Не в Германии, не в той же Англии, а в России. А потом мы задаёмся вопросом о заниженной национальной самооценке. Мы всё время перед кем-то виноваты, что-то кому-то отдаём. Вот с этого и начинается комплекс пораженчества! Представьте, что получится, если ребёнка воспитывать в унижительном духе: «Тебя побили? И правильно, потому что ты дурак. Отобрали игрушку? Правильно, потому что ты глуп». Досадно, что мы в нашей собственной истории ведём себя, как слоны в посудной лавке. И ведь не в прихожей, не в сарае, а в парадном зале нашей истории! Логика неумолима: не мы в 2014-м, так нас в 2015-м.

Всё это касается и памяти о генерале Неверовском, и памяти обо всех героях русской славы.

